

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ОПЕРАЦИЯ «БАГРАТИОН»

Взлом
«белорусского балкона»

Подлинная история великих войн

Алексей Исаев

**Операция «Багратион». Взлом
«белорусского балкона»**

«Яуза»

2019

УДК 355/359
ББК 68

Исаев А. В.

Операция «Багратион». Взлом «белорусского балкона» /
А. В. Исаев — «Яуза», 2019 — (Подлинная история великих
войн)

ISBN 978-5-00155-034-1

23 июня 1944 г. советские войска 1-го. 2-го. 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов перешли в наступление против немецкой группы армий «Центр» и к 9 июля группа армий «Центр», по сути, прекратила свое существование. Это был сталинский блицкриг, зеркальный ответ на 1941 г. Но до сих пор история этой операции хранит множество тайн: Как нашим войскам удалось преодолеть этот позиционный кризис осени 1943 - зимы 1944 гг., превратив окопную «мясорубку» в крупнейшую маневренную операцию? Что позволило не просто прорвать, а полностью обрушить вражескую оборону? Почему немцам не удалось сохранить целостность фронта и организованно отступить на новые позиции? Как тяжелое поражение Вермахта переросло в самую страшную военную катастрофу в германской истории? И кого винить в этом «эпическом разгроме»? Основываясь на оперативных документах не только советских, но и немецких архивов, это расследование восстанавливает ход гениальной операции «Багратион», во многом предопределившей Великую Победу. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359

ББК 68

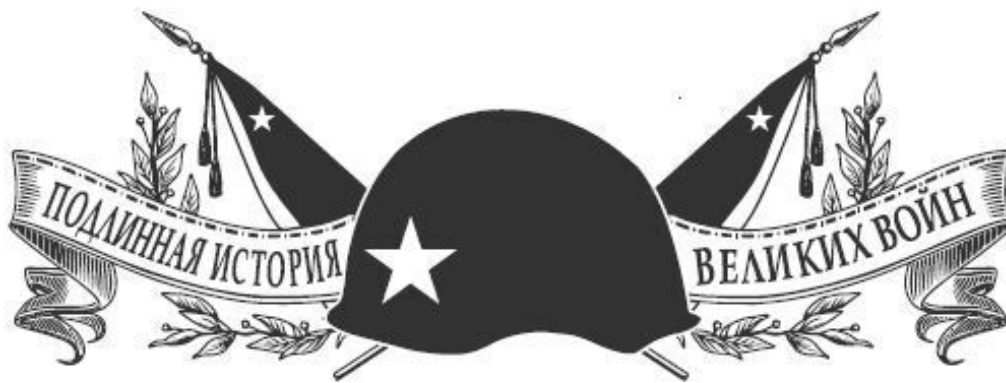
ISBN 978-5-00155-034-1

© Исаев А. В., 2019

© Яуза, 2019

Содержание

Введение	7
Раздел первый	12
Глава 1	14
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Исаев
Операция «Багратион». Взлом
«белорусского балкона»

Автор благодарит Н. Власова, Р. Вроблевского, П. Козлова, А. Томзова и П. Шиткина за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

© Исаев А., 2019

© ООО «Яуза-Каталог», 2019

Введение

В первые 12 дней операции «Багратион», с 23 июня по 4 июля 1944 г., советские войска, взломав оборону противника, разгромив главные силы группы армий «Центр», продвинулись с исходного положения до меридиана западнее Минска почти на 240 км. Это давало среднесуточный темп наступления около 20 км в сутки. Такой сокрушительный разгром казался почти невероятным. Настолько невероятным, что в советских успехах усомнились, и в доказательство реальности донесений из Белоруссии по Москве прогнали колонны только что взятых пленных. Тусклая масса солдат в кепи оказалась как нельзя убедительным доказательством реальности только что произошедшей катастрофы германской армии.

Шагающие по Садовому кольцу немецкие пленные стали одним из самых известных и знаковых событий войны в целом и лета 1944 г. в частности. Накопление знаний о том периоде заставляло по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо знакомые кадры. Бредущие по Москве колонны отличались от нестройной и облезлой толпы «фольксштурмистов» и «гитлерюгенда» 1945 г. Возглавлявшие колонны пленных немецкие генералы, поначалу воспринимаемые как достаточно абстрактные фигуры поверженных полководцев противника, с годами были опознаны, и за каждым из них встала своя история.

Колонна немецких военнопленных во время «марша побежденных» в Москве 17 июля 1944 г. Впереди компактной группой шагают 19 генералов

В первом ряду колонны по московской улице тем днем 17 июля 1944 г. шли три генерала, они, собственно, и возглавляли шествие «парада побежденных». В середине шел суховатый генерал в кепи, с тростью и наброшенной на руку шинелью. Звали его Пауль Фёлькере, и его последней должностью стало командование XXVII армейским корпусом. Он возглавлял корпус с лета 1943 г. Именно XXVII корпус многие месяцы держал оборону на шоссе Москва – Минск на подступах к Орше. Эти позиции стали «Западным фронтом без перемен», попытки Красной армии их взломать раз за разом терпели неудачу. В них участвовали и поднаторевшие в позиционных боях на Западном направлении советские дивизии, и свежая и многочисленная

польская пехотная дивизия. Рядом с Фёлькерсом шел невысокий и грузный генерал Гольвитцер, бывший командир LIII корпуса, оборонявшего Витебск. Войска под его командованием удерживали позиции под Витебском также в течение длительного времени, этот город стал небольшим «Верденом» советско-германского фронта. Что же привело генералов от череды успехов в обороне к стремительному поражению и унижительному маршу по залитой летним солнцем московской улице?

В контексте событий на Западном стратегическом направлении в целом «Багратион» выглядит настоящим чудом. Позиционный фронт группы армий «Центр», славившийся своей неподатливостью еще со времен боев за Ржев, был не просто взломан с продвижением на несколько десятков километров, он стремительно рухнул, боевые действия перешли от затяжных боев за «избушку лесника» к маневренным действиям и танковым прорывам на десятки километров в сутки.

Немецкие генералы, взятые в плен в ходе операции «Багратион», перед «маршем побежденных». В первом ряду слева направо: Винценц Мюллер (XII АК), Пауль Фёлькерс (XXVII АК), Фридрих Гольвитцер (LIII АК), Курт-Юрген фон Лютцов (XXXV АК). Во втором ряду слева направо Рудольф Бамлер (12 пд), Вальтер Хейне (6 пд), Адольф Хаман (комендант Бобруйска), Эдмунд Хоффмейстер (383 пд), Густав Гир (707 пд, в пилотке)

До начала операции «Багратион», пожалуй, только отчаянные оптимисты могли поверить в прорыв темпом 20 км в сутки. Собственно, перед началом боевых действий прибывшие войска без энтузиазма рассматривали последствия зимних боев. Командующий 11-й гв. армией К. Н. Галицкий в воспоминаниях недвусмысленно высказался по этому поводу:

«На намеченном командующим фронтом участке прорыва видели остовы десятков наших сгоревших в предыдущих боях танков. Эта картина наводила на грустные размышления и напоминала о неудачах на этом направлении зимой 1944 г.»¹.

¹ Освобождение Белоруссии. 1944. М.: Наука, 1970. С. 434.

Занимавшие окопы на переднем крае и места в боевых машинах в капонирах в ближнем тылу солдаты и офицеры четырех фронтов в Белоруссии в июне 1944 г. отнюдь не были уверены в своей победе и успехе. Несмотря на то что на дворе стоял июнь 1944 г., ассоциирующийся в памяти потомков с победами последнего военного лета. Они всего этого не знали. Оставались небезосновательные сомнения относительно того, не станет ли очередное наступление неудачей или всего лишь частичным успехом с большими потерями. Еще большим было беспокойство в штабах соединений и объединений – их обитатели обладали куда большей информацией о прошедших месяцах и череде неудач своих предшественников, а иногда и своих собственных. Тревога за результат подстегивала и заставляла работать с удвоенной и утроенной энергией. Радость достигнутого успеха для всех этих людей именно поэтому стала особенной и пронзительной.

Поэтому начать повествование об операции «Багратион» придется с событий зимы 1943/44 г., когда Красная армия пыталась сокрушить ГА «Центр» в череде позиционных батальей разной степени неуспешности. Уверенность немецкого командования в способности удерживать позиции в Белоруссии в немалой степени базировалась на этом опыте многомесячной успешной обороны. Позднее, уже надопросе в советском плену, вышеупомянутый бывший командир XXVII армейского корпуса генерал Фёлькере говорил:

«В районе Центральной группы армий² ожидалось местные наступления или наступления с ограниченной целью. Верховное командование полагало, что Центральная группа армий сумеет задержать это наступление Красной армии, так как она это делала до сих пор»³.

Генерал пехоты Пауль Фёлькере знал, что говорил: он в течение многих месяцев, с октября 1943 г., командовал корпусом, оборонявшимся в районе шоссе Минск – Москва и подвергавшимся мощным атакам советских войск.

То, что немецкие генералы достаточно спокойно взирали на советские приготовления к летнему наступлению, в немалой степени объяснялось успехом вермахта в обороне в предыдущий период.

Данная книга является первой частью работы по операции «Багратион» и хронологически охватывает период от октября 1943 г., когда сложился позиционный фронт на Западном направлении, и до первого этапа Белорусской наступательной операции (23 июня – 4 июля 1944 г.). Одним словом, от формирования до сокрушения «Западного фронта без перемен». Сообразно этому она разбита на обзор зимних наступательных операций, анализ состояния сил сторон перед началом летней кампании, и повествование о боевых действиях 22 (23) июня – 4 июля 1944 г., завершившихся освобождением Минска.

Ввиду колоссальных масштабов происшедшего совершенно необходимым является дифференцированный подход к изложению материала. Какие-то эпизоды освещаются более подробно, с большим уровнем детализации, какие-то – с меньшим.

Также хотелось бы сказать несколько слов об использованных при написании этой книги источниках. С советскими документами ситуация парадоксальная. С одной стороны, в отличие от 1941–1942 гг. сохранность документов по 1944 г. просто отличная. С другой стороны, востребованность этих документов была невысокой.

В далеком 1967 г. в своей беседе с К. Симоновым А. М. Василевский сетовал: «Удивительное дело, как мы мало пользуемся документами. Прошло двадцать лет со времени окончания войны, люди вспоминают, спорят, но спорят часто без документов, без проверки, которую легко можно провести. Совсем недавно, разыскивая некоторые документы, я обнаружил в одном из отделов Генерального штаба огромное количество документов. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны, которые с абсолютной точностью свидетельствуют о

² Так в советских документах того периода переводили Heersgruppe Mitte – группа армий «Центр».

³ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 292. Л. 55.

том, как в действительности происходило дело. Но с самой войны и по сегодняшний день, как эти документы были положены, так они и лежат. В них никто не заглядывал».

Надо сказать, что сам А. М. Василевский показывал пример того, как нужно делать. Его статья в сборнике «Освобождение Белоруссии» 1970 г. насыщена документами, взятыми из шифровального управления Генерального штаба (ссылки на фонд 48а ЦАМО). Это сделало статью Александра Михайловича одной из самых информативных, если не самой информативной, во всем сборнике. К сожалению, она выглядела «белой вороной» в череде других материалов. Споры без документов продолжаются до сих пор. Характерным примером здесь является история с планированием наступления 1-го Белорусского фронта и «двумя ударами». Из работы в работу повторяется версия из мемуаров К. К. Рокоссовского, хотя документы планирования «Багратиона» лежат на поверхности. Меньшую известность получила история с действиями 5-й гв. танковой армии П.А. Ротмистрова и ее использованием по двум вариантам, также хорошо читаемая по документам.

Однако располагая оперативными документами и зная последовательность событий с точностью до изложения в этих документах, хочется большего – мотивировки принятых решений и оценки обстановки. Здесь одной из проблем является выхолощенность многих советских мемуаров. Дело даже не в обычных для этого жанра преувеличениях (хотя этот вопрос тоже будет разобран). Проблема именно в потере ценной информации о происходившем. Так, например, воспоминания А. С. Бурдейного в том же сборнике «Освобождение Белоруссии» написаны словно агитатором-пропагандистом, а не боевым генералом, причем реально отличившимся в той операции. Однако динамика принятия решений, просматривающихся по документам, просто отсутствует. Информации об оперативной обстановке в статье, можно сказать, ноль. Такие тексты невольно вызывают ассоциации со словами персонажа известного кинофильма Л. Гайдая про «космические корабли, бороздящие Большой театр».

К 1944 г. документы обеих сторон велись на высоком уровне, опыт войны сказывался не только на выучке, но и на формализации и детализации отчетности. Однако здесь большой проблемой стала массовая утрата документов немецкими соединениями и объединениями в заключительный период войны. Тем удивительнее, что, вопреки ожиданиям, неплохо сохранились документы армейского уровня: журналы боевых действий, приложения к ним 3-й танковой, 9, 4 и 2-й армий, входивших в состав ГА «Центр». Это позволяет восстановить картину событий и принимавшиеся на уровне штабов армий решения.

Вместе с тем поражение войск ГА «Центр» в Белоруссии неизбежно привело к массовой утрате оперативных документов, в первую очередь дивизионного и корпусного звена. Можно даже сказать больше: сохранившаяся и доступная документация по ряду соединений вермахта завершается как раз периодом весны 1944 г. В некоторых случаях сохранившиеся документы обрываются на июне 1944 г. Так, сохранившийся Журнал боевых действий (ЖБД) LIPI армейского корпуса, действовавшего под Витебском, содержит последнюю запись, датированную 17 июня. Другие корпуса сохранились частично. Так, по XXXIX танковому и VI армейскому корпусам сохранились ЖБД за июнь 1944 г., но отсутствуют за более поздние периоды.

Разумеется, что-то стало советскими трофеями. Так, практически полный комплект в виде журнала боевых действий 3-й танковой армии и приложений к нему присутствует в так называемом 500-м фонде ЦАМО, т. е. фонде трофейных документов, после войны он был переведен. Причем что любопытно, советским войскам достался один из экземпляров журнала, другой экземпляр сохранился в штабе 3-й танковой армии и стал уже трофеем союзников, впоследствии был микрофильмирован в США.

Вместе с тем утрата одних, традиционных, источников о деятельности германских войск в период «Багратиона» соседствует с появлением других, менее распространенных. Здесь грандиозность произошедшей в Белоруссии катастрофы сработала на историков. В ходе работы по расформированию и переформированию соединений группы армий «Центр» в конце лета

и осенью 1944 г. вышедших из окружения офицеров и даже солдат и младших командиров опрашивали о событиях конца июня и начала июля. Собственно, это было распространенным явлением по итогам крупных поражений. Такого же рода отчеты писали вышедшие из Белостокско-Минского и Киевского «котлов» командиры Красной армии.

Точнее будет сказать, что выжившие участники событий в Белоруссии описывали в повествовательной форме последовательность событий, приведших ГА «Центр» к полному краху. Некоторым преимуществом таких рассказов перед сухими Кригстагебухами⁴ является живое повествование, в котором рассказчики чаще всего не скупились на личные эмоциональные оценки происходившего. При этом требования к отчетам были формализованы, что не позволяло пишущим отделаться общими словами. Выглядели эти требования следующим образом:

«Каждый занимающийся обработкой дел дивизии должен до 11.9.44 представить короткий отчет об участии дивизии в боях с 20.6.44. Среди прочего в нем должны содержаться:

1) Участок дивизии и главная линия обороны на

20.6.44.

2) КП штаба дивизии, 16 и, если возможно, полков на

20.6.44.

3) Общее состояние дивизии (полностью боеспособна, пополнена или собрана из нескольких подразделений ит.д.).

4) Начало атак противника – в каком направлении, новые рубежи, результат.

5) Отход – когда и в каком направлении, новые рубежи, результат.

6) Данные (кратко) об опыте, полученном дивизией при отходе, к примеру, вражеские заградительные линии, партизаны, судьба отдельных подразделений, боевых групп, полков и т. д., судьба командиров и штабов»⁵.

Такая формализация, безусловно, пошла на пользу написанным документам. Как видно из перечня требований, они были ориентированы на накопление опыта. Возможно, что именно их осмысление привело к появлению тактики «блуждающих котлов», характерных для периода Висло-Одерской операции января 1945 г. Так или иначе, отчеты позволяют в какой-то мере компенсировать в глазах историка утрату оперативных документов соединений.

Столь же любопытным источником являются допросы взятых в плен немецких генералов. «Багратион» был необычайно «урожайным» на высокопоставленных военнопленных. Конечно, в основном немецких генералов опрашивали с сугубо утилитарными целями о состоянии вермахта в целом. Однако в допросах также присутствуют описания событий на фронте и их личные оценки генералами. Частично эта информация использовалась в советских работах по «Багратиону», например, часто цитируется допрос генерала Траута, командира 78-й пехотной дивизии.

В целом можно констатировать, что комплект доступных обычному исследователю (т. е. без каких-то особых прав) документов для описания операции «Багратион» на современном уровне в архивах наличествует. Останавливать здесь может только их циклопический объем ввиду грандиозности самой операции.

---

⁴ КТВ – Журнал боевых действий.

⁵ NARAT78R139 frame 6068504.

Раздел первый

«На Западном фронте без перемен...»

Версия истории Великой Отечественной войны, знакомая по учебникам и кинофильмам, может привести к выводу о разительных отличиях Первой и Второй мировых войн. Возможно формирование устойчивого мнения и даже уверенности в том, что позиционные сражения Пашендейла, Соммы, Галлиполи и Вердена благополучно остались достоянием войны 1914–1918 гг. Однако это не так. Вторая мировая война просто оказалась многообразнее. Она сочетала в себе как маневренные операции, в которых танки проходили по 30–50 км, а то и по 100 км в сутки, так и позиционные бои, длившиеся многие месяцы, продвижение в которых исчислялось иной раз единицами километров, а то и сотнями метров.

Один из парадоксов истории войны заключается в том, что самый впечатляющий успех советских вооруженных сил – разгром ГА «Центр» в ходе операции «Багратион» – оказался достигнут после череды неудач на Западном стратегическом направлении с октября 1943 г. по апрель 1944 г. В то время как на Украине Красная армия успешно наступала и освободила огромную территорию, Западный фронт практически топтался на месте. Успехи соседних 1-го Прибалтийского и Белорусского фронтов были достаточно ограниченными. Итогом стало разбирательство специальной комиссии ГКО с оргвыводами и организационными изменениями, включая и отстранение ряда лиц командного состава фронтов и разделение Западного фронта.

Западное направление в течение долгого времени оставалось для Красной армии проблемным. 1942 г. ознаменовался кровопролитными позиционными битвами на московском направлении. Конечно, сами по себе позиционные бои были с точки зрения абсолютных цифр потерь (особенно безвозвратных) лучше отступлений и окружений в южном секторе фронта. Однако после успехов наступательных операций на юге, начиная с «Урана», это и без того сомнительное преимущество стало терять свое значение.

Традиционной отговоркой для «незавершенных» (а если называть вещи своими именами – неудавшихся) операций Красной армии на Западном стратегическом направлении стал тезис о «сковывании» противника. Так, в брежневском 12-томнике утверждалось: «Активными действиями в течение всей зимы и первых весенних месяцев 1-й Прибалтийский, Западный и 1-й Белорусский фронты сковали основные силы мощной по своему составу группы армий «Центр», не позволяя немецко-фашистскому командованию за счет ее сил оказывать помощь группам армий «Юг», «А» и «Север», терпевшим в то время тяжелейшие поражения»⁶.

Точно так же оправдывались (и по сей день оправдываются) неудачи наступлений под Ржевом в 1942 г. Надо сказать, что отговорка эта появилась по горячим следам событий. Еще тогда, весной 1944 г., начальник оперативного отдела 33-й армии полковник И. А. Толконюк в своем письме И. В. Сталину⁷ писал следующее:

«Среди некоторых руководящих работников нашей армии существует мнение [...] что мы вполне добились цели, которая перед нами ставилась, сковывая противника перед нашим фронтом, не допуская переброски его сил на юг, где ведутся операции широкого масштаба. Такое мнение мне кажется неправильным, и я с ним не согласен.

Простой подсчет показывает, что с затраченными в течение описанного периода на Западном фронте силами и средствами можно было провести одну или две серьезных и хорошо подготовленных операции, прорвать фронт обороны противника по крайней мере на 20–30 км

---

⁶ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Том 8. Крушение оборонительной стратегии фашистского блока. М.: Воениздат, 1977. С. 137.

⁷ Полностью см. в Приложении.

фронта, развить успех и не только сковать противника, а освободить большую территорию, или притянуть значительную часть сил противника с других направлений, или вследствие больших поражений вынудить его к оперативному отходу»⁸.

Действительно, успех «Багратиона» летом 1944 г. подтвердил слова Толконюка – после крушения фронта ГА «Центр» немцы вынуждены были спешно перебрасывать в Белоруссию и Прибалтику дивизии из группы армий «Северная Украина». Тем самым были созданы предпосылки для успешного проведения Львовско-Сандомирской операции и выхода на Вислу. К этому можно добавить, что группа армий «Центр» зимой 1943/44 г. удерживала свои позиции практически исключительно пехотой, наиболее ценные подвижные соединения германской армии концентрировались в южном секторе Восточного фронта. Достаточно сказать, что советскому Западному фронту в зимних позиционных боях не противостоял ни один танк «Пантера», они действовали южнее или севернее (в ГА «Север»). Справедливости ради следует отметить, что в современной отечественной историографии, прежде всего с подачи М. А. Гареева, тезис о сковывающих действиях на Западном направлении зимой 1943/44 г. распространения не получил.

В 1943 г. ситуация, как казалось, сдвинулась с мертвой точки. Уже в начале года ненавистный Ржевский выступ был эвакуирован. Провал «Цитадели» и успех советского контрнаступления позволили сбить ГА «Центр» с насиженных позиций. В ходе успешной Смоленской операции войсками Западного фронта была достигнута заветная цель советских наступлений всего 1942 г. – город Смоленск.

Однако именно в этот период позиционная оборона была возведена в господствующий принцип ведения боевых действий: Гитлер объявил о строительстве так называемого Восточного вала. 12 августа 1943 г. в Журнале боевых действий Верховного командования вермахта отмечалось: «Начальник Генерального штаба сухопутных войск передает командованиям четырех групп армий на Восточном фронте приказ фюрера № 10 о немедленном сооружении Восточного вала». Он должен был стать оборонительным рубежом, на котором предполагалось измотать Красную армию в позиционных оборонительных боях, нанести потери и вынудить к подписанию мира. По плану, Восточный вал должен был состоять из так называемой линии «Вотана» в полосе групп армий «А» и «Юг» и линии «Пантера» в полосе групп армий «Центр» и «Север». Тем самым Восточный вал образовывал непрерывный барьер от Азовского моря до Балтийского, проходящий по Керченскому полуострову, реке Молочной, Днепровским плавням, среднему течению Днепра, реке Сож до Гомеля, далее восточнее Орши, Витебска, Невеля, Пскова и по реке Нарве.

Именно на эту линию «Пантера» (Panther-Stellung), соорудившуюся в течение нескольких недель, отходили войска группы армий «Центр» осенью 1943 г. после поражения под Смоленском.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712 Д. 736. Л. 107.

Глава 1

Позиционный фронт: зарождение

К началу октября 1943 г. действия войск Западного фронта можно охарактеризовать как фронтальное преследование отступающего противника. Соответственно, соседний Калининский фронт наступал на Витебск, медленно обходя его с севера и юга. Левый сосед – Центральный фронт – был остановлен на реке Сож. Форсировав эту реку в районе Гомеля, войска фронта К. К. Рокоссовского вели бои за расширение плацдарма. К 1 октября передовые отряды правого крыла Западного фронта вышли на восточный берег р. Малая Березина, р. Мерея и м. Баево и завязали бои с переменным успехом. Левое крыло фронта, как имевшее меньшую плотность, было остановлено противником к 3 октября и дальнейшего продвижения не имело.

Правое крыло фронта на тот момент составляли: 31-я армия (6 сд, 1 тбр, 5 арtpолков РГК), 68-я армия (6 сд, 2 сап, 3 арtpолка РГК), 10-я гв. армия (6 сд, 1 тбр, 1 тп, 6 артбригад, 4 арtpолка РГК) и частично 21-я армия (2 сд). В резерве фронта находилась 5-я армия (3 сд, 4 арtpолка РГК). Основной задачей советских войск на этом этапе стал захват Орши главным ударом на глубину 70–75 км вдоль северного берега Днепра. Вдоль автострaды Москва – Минск нацеливалась 31-я армия. Вспомогательный удар на глубину 60–70 км предполагалось нанести южнее Днепра с целью захвата рокады Орша— Могилев и переправ на Днепре. 1 октября войска правого крыла Западного фронта начали бои за выход из болотистых дефиле и переправы через реки Малая Березина и Мерея. 2 октября в первую линию в направлении на Богушевское была введена из резерва фронта 5-я армия. 3 октября в 8.00, после 20-минутной арtpодготовки, они перешли в общее наступление и к исходу дня продвинулись на 2–3 км. 4 и 5 октября существенный успех имела только 5-я армия. 8 октября наступление было возобновлено всеми армиями, удалось добиться продвижения на 5—10 км. Вновь отличилась 5-я армия, захватившая м. Любавичи – узел пяти большakov, что существенно облегчило наступление в лесисто-болотистом районе. К 11 октября участвовавшие в наступлении войска продвинулись в общей сложности на 10–35 км. Потери советских войск составили около 13 тыс. человек. Однако по размерам отвоеванной у противника территории это наступление, казавшееся тогда неудачной «пробой пера» на новом направлении, станет наиболее успешным из всех последующих. После отступления от Смоленска противник закрепился и начал оказывать все возрастающее сопротивление.

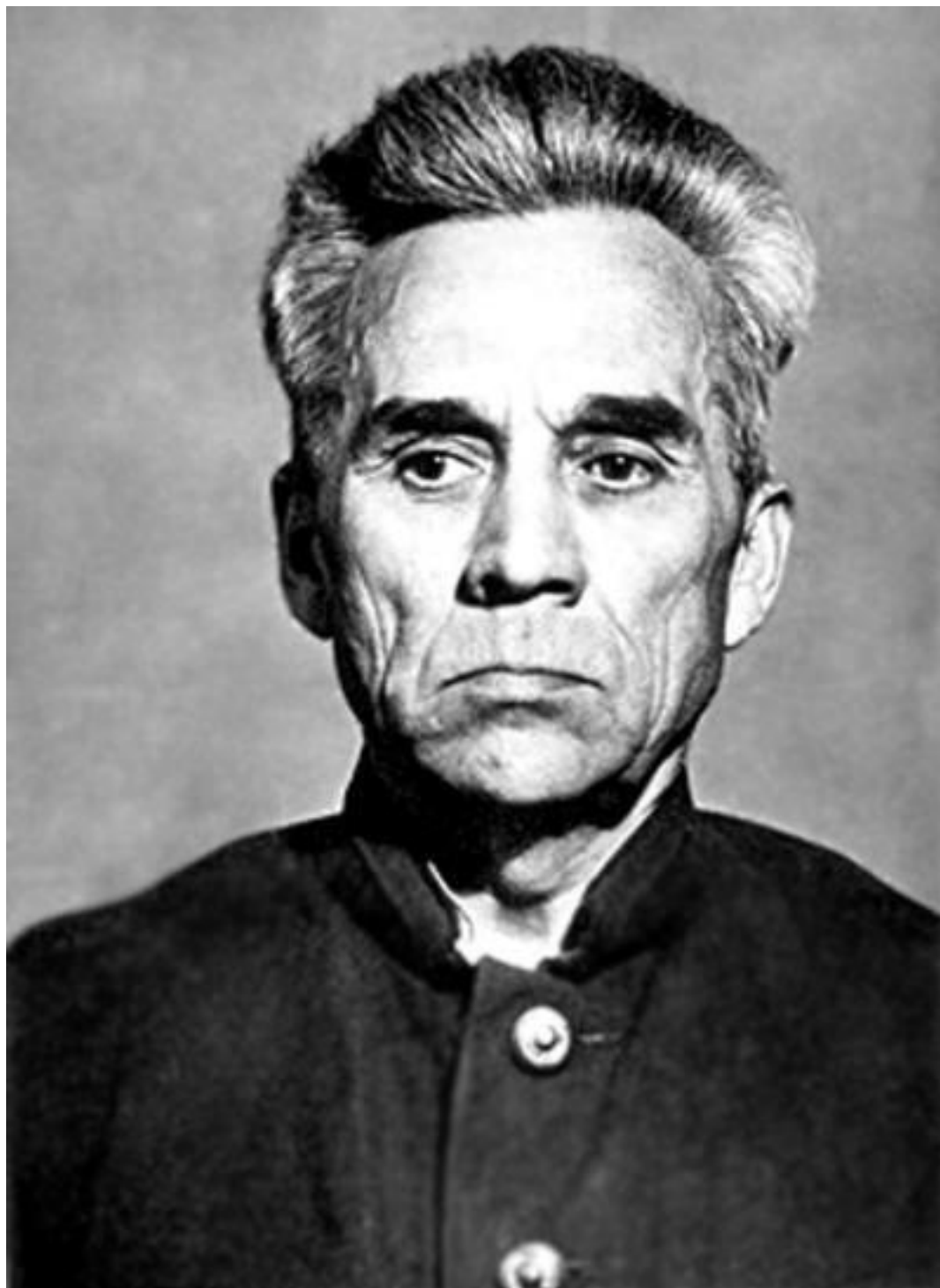
Подбитый в районе шоссе Москва – Минск под Оршей танк Т-34

С целью сломить сопротивление противника на новом рубеже командованием Западного фронта была предпринята перегруппировка войск. Находившаяся доселе южнее 21-й армии 33-я армия рокировалась вправо на оршанское направление в район м. Ленино. Для выполнения новой задачи 33-я армия была усилена и в итоге имела в своем составе шесть стрелковых дивизий в составе 70-го (338, 371, 220-я сд) и 65-го (144, 58, 173-я сд) стрелковых корпусов, 42, 164 и 222-ю стрелковые дивизии «россыпью», 5-й мехкорпус, 6-й гв. кавкорпус, две артбригады, 10 арtpолков РГК, 1495-й сап, 1577-й тсап, 256-ю, 43-ю гв. и 56-ю гв. тбр. Также в состав армии была включена 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко. В тот период все еще были полны энтузиазма. Начальник оперативного отдела 33-й армии И. А. Толконюк вспоминал:

«Передача свежего, да еще иностранного боевого соединения в 33-ю армию была не случайной. В закончившейся Смоленской операции армия показала высокие боевые качества, успешно выполняла возлагавшиеся на нее задачи. Командующий армией генерал-полковник В.Н. Гордов зарекомендовал себя волевым, опытным и знающим свое дело военачальником, проявив высокие организаторские качества. Его штаб, возглавляемый генерал-майором С. И. Киносяном, показал себя работоспособным, слаженным и инициативным органом управления войсками»⁹.

---

⁹ Толконюк И. А. Раны заживают медленно. Записки штабного офицера. М.: Троица, 2004. С. 344–345.

Командующий 33-й армией В. Н. Гордое. На фото – под арестом, в промежуток 1947—50 гг.

Задачей 33-й армии стало ударом в направлении м. Ленино, Шклов обеспечить 21-й армии возможность захвата Орши с юга. Предполагалось с выходом войск двух армий на рубеж ближайшей задачи ввести в прорыв: 2-й гв. танковый корпус и 3-й гв. кавкорпус – на Оршу и 6-й гв. кавкорпус и 5-й мехкорпус – на Шклов. Ширина фронта прорыва на стыке 21-й и 33-й армий по плану составляла 14 км. 21-я и 33-я армии строились в три эшелона. В 33-й армии в каждом эшелоне было по три стрелковых дивизии, в 21-й армии – по три в первом и втором эшелонах и две в третьем. Перенос направления удара южнее Днепра обуславливался тем, что

автострада Москва – Минск перекрывалась сильной группировкой противника на хороших позициях. Удар южнее шоссе выводил наступающих к Днепру с перспективой его форсировать, но это считалось меньшим злом.

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА И СТРЕЛКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ СОЕДИНЕНИЙ 33-Й АРМИИ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ОПЕРАЦИИ 12–17.10.43 Г¹⁰.

	Личный состав	ППД и ППШ	РП	Станковых
58 сд	3844	1070	50	29
144 сд	4086	1062	124	29
173 сд	3929	1458	339	69
290 сд	4489	917	69	22
338 сд	4619	1256	89	43
371 сд	3773	1075	192	64
42 сд	5324	929	178	37
164 сд	4583	967	214	60
222 сд	5162	831	142	45
1 ппд	12 144	2666	507	166

Хорошо видно, что численность личного состава соединений армии В. Н. Гордова была достаточно низкой, за исключением 1-й польской пехотной дивизии. Однако в первый и второй эшелоны были поставлены относительно многочисленные дивизии. В первом эшелоне генерал Гордов поставил 1-ю польскую (в центре), 42-ю и 290-ю стрелковые дивизии (справа и слева от нее). Во втором эшелоне должны были наступать 164-я и 222-я стрелковые дивизии. 33-я армия должна была прорывать оборону противника на достаточно узком фронте, всего 5 км. Соответственно ширина фронта наступления дивизий составляла: 42-й сд – 1,5 км, 1-й ппд – 2 км, 290-й сд – 1,5 км. Узкие полосы обусловили глубокие боевые порядки. Так, в 1-й польской дивизии в первом эшелоне находились два пехотных полка, три батальона которых стояли в затылок друг другу, то есть в первом эшелоне находилось только два батальона.

Как позднее писал в своем отчете командир польской дивизии З. Берлинг, задача была им получена 7 октября, что с учетом марша в район сосредоточения (1-я ппд выступила в 19.007.10.43 г., прибыла в 12.009.10.43) оставляло всего два дня на подготовку операции. Перед началом наступления части 33-й армии проводили энергичное прошупывание обороны противника. В ночь на 11 октября разведку боем вели подразделения польской дивизии, днем 11 октября – ее соседи, советские стрелковые дивизии. Рано утром 12 октября, еще до начала артподготовки, один польский батальон при поддержке дивизиона артиллерии повторил разведку боем. Он был остановлен огнем противника и залег. Эти выпады показали, что противник прочно удерживает первую линию своей обороны, а не отвел из нее войска из-под удара советской артиллерии.

Наконец, 12 октября в 9.20 загремела артподготовка. Она началась на час позже из-за тумана. Атака пехоты последовала в 11.00 (по отчету Берлинга, польские части атаковали в 10.30). Наступление не стало для противника сюрпризом. Причем как один из тревожных сигналов было воспринято предварительное прошупывание немецкой обороны. Как указывалось

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 736. Л. 41.

в ЖБД 4-й армии, «противник, таким образом, верен своему обычному плану – накануне главного наступления провести разведывательные атаки, в день наступления также предварительные атаки и только потом – главный удар»¹¹.

21-я армия вследствие сильного огня артиллерии противника успеха не имела, и к исходу дня ее части вели бой в первой траншее противника. 33-я армия, прорвав передний край обороны противника, за день боя продвинулась на 1–3 км.

И. А. Толконюк вспоминал: «Хотя мы и имели на направлении главного удара численное превосходство над противником в артиллерии малых и средних калибров, но враг выпускал за одно и то же время в два раза больше снарядов, чем мы. В артиллерии контрбатарейной борьбы немцы превосходили нас в полтора-два раза, что позволяло им надежно подавлять наши артгруппы контрбатарейной борьбы»¹².

---

¹¹ NARA T312 R229 frame 7781308.

¹² Толконюк И. А. Указ. соч. С. 350.

Командующий ГА «Центр» генерал-фельдмаршал Эрнст Буш

В тот же день, когда началось советское наступление под Ленино, произошла смена командования группы армий «Центр». Бессменно командовавший группой армий фельдмар-

шал фон Клюге попал в автокатастрофу, и потребовалась его срочная замена. Новым командующим стал фельдмаршал Эрнст Буш, получивший повышение с поста командующего 16-й армией ГА «Север». Буша можно было бы характеризовать как опытного пехотного генерала, начавшего службу в пехоте еще в начале столетия и прошедшего последовательно все ступени на этом поприще. На момент назначения командующим ГА «Центр» он уже был награжден Рыцарским крестом и дубовыми листьями к нему. Позднее, летом 1944 г., он подвергся нелестной критике, но в октябре 1943 г. трудно было найти более подходящую кандидатуру для управления войсками в позиционных сражениях в лесисто-болотистой местности.

Потерпев неудачу под Ленино, советское командование не отказалось от попыток взломать оборону противника. К 20 октября 10-я гв. армия рокировалась походным порядком из района южнее Днепра в район к северу от реки. При этом управление этой армии принимало войска 5-й армии, а управление самой 5-й армии выводилось в резерв. Командование Западного фронта вновь решило перенести центр тяжести боевых действий в район автостреды. На этот раз предполагалось прорваться к Орше «впритирку» к Днепру, в промежутке между ур. Веретейский Мох и Днепром. Главный удар теперь наносила на узком фронте в 6 км 31-я армия генерал-лейтенанта В. А. Глуздовского в составе 12 стрелковых дивизий, одного танкового корпуса, одной танковой бригады и мощной артиллерийской «кувалды» в лице 14 артиллерийских бригад, 10 артполков РГК.

План командования 31-й армии строился на том, чтобы мощной артиллерийской подготовкой парализовать сопротивление противника и стремительным броском подвижных групп (танки, мотоциклисты, мотопехота) захватить второй оборонительный рубеж немцев, прежде чем он будет занят отходящими с главной оборонительной полосы войсками противника. Затем главными силами 2-го гв. танкового корпуса предполагалось с ходу, по автострезде, ворваться в Оршу. По решению командарма-31 в первом эшелоне должны были наступать три стрелковых корпуса, каждый из которых в свою очередь также строился в два эшелона: в первом две стрелковые дивизии, во втором – одна. Еще один стрелковый корпус образовывал второй эшелон армии. 2-й гв. танковый корпус со 2-м гв. мотоциклетным полком должен был после прорыва пехотой переднего края обороны немцев с ходу овладеть вторым оборонительным рубежом противника. С подходом пехоты стрелковых частей танки корпуса А. С. Бурдейного должны были сдать ей захваченный рубеж и развивать наступление на Оршу.

Подготовка велась тщательно, с использованием всех возможных тактических приемов. Создавались подвижные группы пехоты для броска за танками, группы закрепления и резервные группы для ночного боя. Также по решению командарма Глуздовского предписывалось «создать в каждой сд ударные группы из отборных бойцов с лучшими боевыми офицерами, вооружив их автоматами и ручными пулеметами»¹³.

«Ижуминкой» наступления должна была стать 1-я штурмовая комсомольская¹⁴ инженерно-саперная бригада, приданная 45-му стрелковому корпусу и задействованная строго в центре построения ударной группировки 31-й армии. Такие бригады были сформированы в Красной армии сравнительно недавно, весной 1943 г. Бригады предполагалось использовать на наиболее важных оперативных направлениях, особенно там, где у противника имелись мощное фортификационное оборудование местности и минные заграждения¹⁵. Особенностью оснащения бригад были стальные нагрудники, которых полагалось 125 штук на батальон, на бойцов одной его роты. За них штурмовики получили прозвище «панцирная пехота». Пехотой они, однако, не являлись, и предполагалось их использование для преодоления инженерных заграждений противника. То есть содействие пехоте, а не ее замена.

¹³ ЦАМО РФ. Ф.241. Оп.2593. Д.2. Л. 158.

¹⁴ Такое название встречается в документах, в боевом составе она проходит как 1-я шисбр.

¹⁵ Никифоров Н. И. Штурмовые бригады Красной Армии в бою. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С.109.

Здесь необходимо отметить, что три батальона 1-й штурмовой бригады и ее учебная рота по плану были поставлены в первый эшелон в линию на фронте 800—1000 метров впереди, именно впереди боевых порядков 251-й стрелковой дивизии. Соседом справа 1-й штурмовой бригады была 220-я стрелковая дивизия, соседом слева – 331-я стрелковая дивизия. Исходные позиции в 70—150 м от проволочного заграждения противника «штурмовики» (так их называли в документах) заняли скрытно и заблаговременно к 20.0020 октября. Бригада должна была наступать вдоль Минской автомагистрали и железной дороги.

Иллюстрация к статье из немецкого журнала военного времени, посвященной ноябрьским боям на оршанском направлении. На фото видны «Тигры» и залегшая пехота

На флангах 31-й армии 10-я гв. армия и 68-я армия (южнее Днепра) получили вспомогательные задачи. Каждая из этих армий к тому моменту насчитывала по девять стрелковых дивизий. Казалось, что удалось найти ключик к немецкой обороне под Оршей.

Противником советских войск на оршанском направлении оставалась 4-я армия группы армий «Центр». Севернее Днепра позиции занимал XXVII армейский корпус, южнее Днепра – XXXIX танковый корпус. Наименование «танковый» на тот момент было уже условностью.

21 октября в 12.00, после артиллерийской подготовки продолжительностью 2 часа 10 минут, войска 31-й армии перешли в наступление. За 10 минут до окончания артиллерийской подготовки штурмовики поднялись в атаку, уже в 12.00 был уничтожен немецкий гарнизон на выс. 199, 0 (между ж.д. и шоссе), к 12.30 бойцы бригады преодолели все три линии траншей, выполнив свою ближайшую задачу. К 13.30 1-й штурмовой батальон вышел на северной окраине опорного пункта немцев в деревне Киреева, т. е. продвинулся на 7 км (всего за 2 часа 40 минут наступления!). 3-й и 4-й батальоны бригады отставали от него не более чем на 1–2 км. Если бы вся участвующая в операции пехота наступала таким темпом, то немецкая оборона рухнула бы. Фактически «штурмовики» выступили в роли элитной пехоты, хотя по своему первоначальному назначению таковыми не являлись. Однако главные силы стрелковых дивизий оставались еще далеко позади. «Штурмовики» же были атакованы пехотой противника с танками (скорее всего все же «штурмгешюцами»). Противотанковых средств в инженерной бригаде по штату не предусматривалось, даже противотанковых ружей, введенных только весной 1944 г. Тем не менее «штурмовики» дали бой и претендовали на один уничтоженный и один подбитый танк противника. Чуда, впрочем, не произошло. Контратака бронетехники

противника заставила «штурмовиков» отойти на 0,5–1 км назад и ждать на этом рубеже подхода пехоты.

Еще одна иллюстрация к той же статье. Виден весь «зоопарк» используемой техники – «Тигры», штурмовые орудия и танки Pz.III поздних серий.

Последние, скорее всего, принадлежали «тигриному» батальону

Ситуацию мог выправить прорыв танков к занятому штурмовой бригадой рубежу. В наступлении 21 октября участвовали две танковые бригады 2-го гв. танкового корпуса: 25-я гвардейская (34 Т-34, 12 Т-70 и 4 БТР на ходу к началу боев) к югу от автостреды и 26-я гвардейская к северу от нее. 25-я гв. танковая бригада выступила из исходного района и к 14.30 встретила сильное огневое сопротивление с выс. 208, 0 и из опорного пункта немцев в деревне Рыленки. Попытка обойти Рыленки привела к застреванию сразу 10 танков в болоте (вытащены к концу дня). Потери бригады за день составили 5 Т-34 и 1 Т-70 сгоревшими и 6 Т-34 подбитыми¹⁶. 26-я гв. танковая бригада была введена в бой в 13.00 21 октября, в результате пятичасового боя вышла на западные скаты выс. 208, но, встреченная сильным огнем противника, продвинуться дальше не смогла. Потери бригады составили 5 танков сгоревшими, 5 подбитыми и один подорвавшийся на mine¹⁷. Потери небольшие, но чувствительные. В целом в результате первого дня боя наступающим удалось продвинуться только на 3–4 км, что срывало весь замысел операции с быстрым захватом второй линии обороны противника. Атаки соседних армий силами одной стрелковой дивизии каждая успеха не имели.

Возобновление наступления 22 октября ощутимых результатов не дало, продвижение составило всего 1–2 км. При этом 25-я и 26-я гв. танковые бригады за день потеряли два десятка танков сгоревшими и подбитыми. К утру 23 октября они устным приказом командира корпуса А. С. Бурдейного выводятся из боя. Было уже очевидно, что первоначальный план наступления реализовать не удастся. Тем не менее наступление стрелковых частей продолжилось в тщетной надежде, что немецкая оборона все же рухнет. 23 октября решением командующего 31-й

---

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф.2 гв. тк. Оп.1. Д.30. Л. 190.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 2 гв. тк. Оп. 1. Д.30. Л. 206.

армией в бой были введены две стрелковые дивизии из второго эшелона, но практически безрезультатно – продвижение задань ограничилось 1 км. 25 октября местного успеха добилась 10-я гв. армия, продвинувшись на 3 км.

К исходу дня 26 октября общее продвижение ударной группировки фронта составило до 6 км.

29 октября была сделана попытка возобновить наступление в прежней конфигурации: на левом крыле 10-й гвардейской армии, на всем фронте 31-й армии и на правом крыле 68-й армии. Задача операции в целом сохранялась прежняя, в соответствии с первоначальным замыслом на 21 октября. Ожесточенные бои продолжались до 31 октября, однако прорыва обороны противника добиться не удалось. К 1 ноября обе стороны перешли к обороне.

Успехом местного значения в последние дни наступления стал захват сильного опорного пункта немцев в деревне Боброва. Он располагался на южном берегу Днепра и препятствовал развитию наступления 68-й армии. Из-за этого продвинувшаяся вперед 31-я армия оказывалась под огнем с фланга с южного берега Днепра. Боброва располагалась на возвышенности, прикрытой огибавшим ее ручьем с обрывистым берегом, ставшим естественным противотанковым рвом. Все подходы к нему хорошо просматривались противником. К строительству опорного пункта в этом месте немцы приступили еще в июле – августе 1943 г. и разбирали на блиндажи дома местных жителей. Также в качестве блиндажей на 6–8 человек были использованы два стальных котла диаметром 2,3 м с толщиной стенок 40 мм. Они были вкопаны в землю и дополнительно прикрыты 3–4 накатами бревен. Котлы защищали не только от артобстрела, но и от влаги, являясь теплым и сухим убежищем с печкой. Основу обороны Боброва составляла система траншей с открытыми площадками для пулеметов. ДОТов, ДЗОТов и бронеколпаков не было. Используя продвижение 31-й армии, 174-я стрелковая дивизия 68-й армии форсировала Днепр в направлении с севера на юг и тем самым создала угрозу окружения Боброва. Это заставило немцев оставить Боброва и отойти на запад.

Потери в операции: 4787 человек убитыми, 14315 человек ранеными, а всего – 19 102 человека. За месяц боев на оршанском направлении войска правого крыла Западного фронта по оси Минской автостреды продвинулись менее чем на 30 км, на богушевском направлении – до 40 км и южнее Днепра, в направлении на Дубровно – до 20 км. Потери фронта за октябрь можно оценить как достаточно тяжелые: 15 707 убитых и 39727 раненых¹⁸, причем 9/10 этих потерь приходится на войска правого крыла фронта, оршанско-богушевское направление. Потери танков и САУ в октябрьских операциях Западного фронта показаны в таблице.

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ БТ И МВ ЗАПАДНОГО ФРОНТА ВО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ОРШАНСКИХ ОПЕРАЦИЯХ В ОКТЯБРЕ 1943 Г¹⁹.

Даты	КВ	Т-34	Т-70–60	МкIII	МЗл	СУ-152	СУ-122	Всего
12–17.10	9	15	-	1	1	3	5	34
21–26.10	-	12	1	-	-	-	-	13

Потери бронетехники можно оценить как умеренные. Нельзя не отметить, что 2-й гв. танковый корпус быстро вывели из боя и не стали истрепывать до полной потери боеспособности.

¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 2. Л. 169.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2534. Д. 54. Л. 48.

В качестве одной из причин неудач наступлений в октябре 1943 г. называлось отсутствие централизованного пополнения, фронт пополнял соединения за счет призыва на освобожденной территории. Несмотря на хороший возрастной состав, этот контингент нуждался в дообучении, сколачивании и сохранил с 1941 г. «воздухо- и танкобоязнь». Также отделом изучения опыта войны Западного фронта отмечалось, что тактической внезапностью для советских войск в октябрьских боях стали немецкие реактивные минометы. До октября 1943 г. реактивные установки немцами в полосе Западного фронта применялись лишь одиночными метательными аппаратами. В боях на оршанском направлении они применялись в широких масштабах. Методы борьбы с ними вырабатывались с большим трудом.

Массово примененные немецкие реактивные минометы «Небельверфер» стали неприятным сюрпризом для войск Западного фронта осенью 1943 г.

Для подготовки нового наступления было отведено две недели. Соединения армий на оршанском направлении были приведены в порядок, дополнительно обучены и натренированы в преодолении траншейной обороны противника. Средняя численность дивизии была доведена до 4743 человек при ширине фронта от 500 м до 1,5 км²⁰. К новой операции привлекались четыре армии, 18 стрелковых дивизий, одна танковая бригада, один танковый и три самоходных артполка, 23 артполка и 16 артбригад. Осью наступления по плану на этот раз становился Днепр. 10-я гв. и 31-я армии должны были наступать по северному берегу Днепра, 5-я и 33-я армии – по южному.

Соответственно 10-я гв. армия получила полосу наступления 5 км. Ее дивизии насчитывали до 5–5,5 тыс. человек и получили полосы 1,5–2 км. Плотнее всего была построена 31-я армия. Она должна была наступать в полосе 6,5 км, из которых 4 км приходились на 331-ю и 133-ю стрелковые дивизии. На оставшихся 2,5 км получили фронт по 500 м пять дивизий, численность которых колебалась от 4388 до 4902 человек. Один стрелковый корпус 31-й армии находился во втором эшелоне. Справедливости ради следует сказать, что полки в дивизиях 31-й армии были двухбатальонного состава. Соответственно, например, 251-я стрелковая дивизия на фронте в 500 м имела два полка первого эшелона, каждый из полков в свою

---

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 2. Л. 203.

очередь строился в два эшелона: впереди штурмовой батальон, за ним – линейный. Практика подготовки одного батальона полка как штурмового уходила корнями в 1942 г. Считалось, что лучший личный состав можно собрать в штурмовом батальоне, который будет прокладывать дорогу остальным. Это объясняло практику использования глубоких боевых порядков пехоты, так или иначе критиковавшуюся в ходе войны. В любом случае плотность построения советских войск перед наступлением на оршанском направлении впечатляет.

Южнее Днепра боевые порядки были менее плотными. Фронт наступления 5-й армии составлял 4 км, он достался трем стрелковым дивизиям в численности от 4100 до 4341 человек по 1–1,5 км на каждую. Наконец, 33-я армия получила фронт наступления около 6 км, он был распределен между четырьмя стрелковыми дивизиями в численности от 4217 до 4902 человек. Полосы наступления дивизий армии В. Н. Гордова составили от 1 до 2 км, причем полки строились в один эшелон.

На этот раз амбициозная задача взятия Орши с ходу не ставилась. Ближайшая задача ставилась на глубину 8 км, т. е. на прорыв тактической глубины обороны противника. Последующие задачи ставились на глубину до 20 км. Артподготовка планировалась на 3 часа 45 минут.

В наступлении вновь предполагалось задействовать в первой линии 1-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду. Учитывая опыт предыдущего наступления, в 25-й гв. бригаде сформировали штурмовую группу в составе взвода танков, танкодесантного взвода мотострелков и роты сапер 1-й штурмовой бригады. Для подготовки штурмовой группы был построен специальный полигон с имитацией минного поля и настоящим противотанковым рвом шириной 9 м и глубиной 6 м.

Однако по другую сторону фронта не сидели сложа руки. Во-первых, оборона немцев в районе автостреды оказалась усилена количественно за счет ввода на позиции на этом участке 25-й танко-гренадерской дивизии.

Она получила полосу справа от 78-й штурмовой дивизии, в районе Киреево. Во-вторых, оборона была усилена качественно, в частности за счет оборудования ранее отсутствовавшего противотанкового рва.

Наступление Западного фронта началось по плану воскресным утром 14 ноября. Для противника оно не стало неожиданностью. В дневном донесении ГА «Центр» указывалось: «В полосе 4-й А сегодня началось давно ожидавшееся крупное наступление по обе стороны Днепровского шоссе»²¹. Артиллерийская подготовка произвела сильное впечатление на немцев. В истории 25-й танко-гренадерской дивизии она описывалась следующим образом: «Нездолго до обычного времени подъема все слетели с расположенных в укрытиях кроватей. Русская артиллерия нанесла мощный удар. Она продолжает вести ураганный огонь неслыханной силы»²².

Поистине роковую роль в этой операции сыграл туман, внезапно появившийся утром 14 ноября на всем фронте наступающих войск. Он не позволил артиллерии вести прицельную стрельбу, а пехоте выдержать правильное направление во время атаки. Взаимодействие, и без того являвшееся больным местом в войсках фронта, совершенно разладилось. Целесообразно было бы, наверное, перенести дату наступления, но этого сделано не было.

Во время артподготовки огонь нацеливался преимущественно на передний край противника и ближайшую глубину обороны (1–2 км). В итоге, когда пехота вышеупомянутой 251-й стрелковой дивизии поднялась в атаку на узком, 500-метровом фронте, она была встречена огнем реактивных установок и орудий немцев из глубины обороны. Продвинувшись всего на 100–150 м, пехота залегла перед проволокой противника.

²¹ NARA T312 R225 frame 7776981.

²² Boehm E. Geschichte der 25. Division. Hrsg.: Kameradenhilfs-werk 25 e.V., Stuttgart, 1983. S.221.

Как и в ходе октябрьского наступления, 1-я штурмовая бригада после артподготовки быстро продвигалась вперед. Однако танки остановились перед противотанковым рвом, пехота обычных стрелковых частей залегла. Как и в октябре, «штурмовики» были контратакованы бронетехникой, но на этот раз это был хорошо укомплектованный «штурмгешюцами» танковый батальон 25-й танко-гренадерской дивизии. «Штурмовики» были оттеснены к противотанковому рву. Они были выведены из боя в 23.00 15 ноября. К тому моменту в одном батальоне бригады осталось 11 боеспособных саперов-штурмовиков, в другом – 25.

Расчет на штурмовую группу из танков, мотострелков и саперов-«штурмовиков» тоже нельзя сказать чтобы оправдался. 14 ноября в 12.00, несмотря на невыполнение задачи прорыва обороны противника стрелковыми частями, по условному сигналу передовой отряд 25-й гв. танковой бригады выступил из района исходных позиций и к 15.00 достиг противотанкового рва. Штурмовой отряд действовал впереди танков, разминировал проходы для танков и наводил переправу через противотанковый ров. Последняя была готова к 15.30, а уже в 15.45 через нее начали двигаться танки 42-й гв. отдельной танковой бригады (армейского подчинения). Однако далее переправа разрушилась либо под тяжестью танков, либо под огнем противника. Вечером 14 ноября началось строительство четырех переправ через ров, но готовы они были только к 4.00 утра 15 ноября. В итоге основная масса задействованных в наступлении танков 14 ноября остается перед рвом. Попытка возобновить наступление и преодолеть противотанковый ров утром 15 ноября успеха не имела. Вообще атаки на недавно занявшую позиции 25-ю танкогренадерскую дивизию оказались наименее успешными. Несколько большего успеха советским частям (из 10-й гв. армии) удалось достичь севернее железной дороги, в полосе 78-й штурмовой пехотной дивизии. Они пробились до населенного пункта Новое Село, в паре километров западнее Киреева, тем самым вынудив немецкие части в районе Киреева обороняться фронтом и на восток, и на север. 16 ноября удалось прорваться из Нового Села дальше на запад на подступы к Ласырщикам, на рокаде в тылу обороны немцев в районе автостреды.

Ситуация для немцев в тот момент действительно оказалась близка к критической, о чем повествует история 25-й танко-гренадерской дивизии:

«...левый фланг дивизии повис в воздухе и начинает рассыпаться. На стыке образовалась брешь шириной 1000 метров. Ситуация особенно осложняется потерей связи. Все провода разорваны и не подлежат восстановлению, радио и телефонная аппаратура вышли из строя. Многодневный разрушительный огонь русской артиллерии не позволяет восстановить разрушенное»²³.

Надежда на успех прорыва через Новое Село заставляет советское командование продолжать атаки. В район Нового Села рокируется сохранившая боеспособность 25-я гв. танковая бригада 2-го гв. танкового корпуса (39 Т-34 и 16 Т-70 в строю). Здесь уже действовали 4-я и 26-я гв. танковые бригады. Свежая бригада к 14.00 17 ноября вышла в первый эшелон корпуса. Видимость из-за тумана была плохая (не более 100–200 м), танки осторожно двигались вперед, в тыл немецкой обороне на шоссе и к рокаде Ласырщики – Заволны. Здесь около 17.30 состоялась дуэль со «штурмгешюцами» немцев (из 25-й пгд), которая привела к тяжелым потерям бригады – 11 Т-34 сгорели, еще 4 Т-34 были подбиты²⁴. Ввиду нарастающих потерь командир бригады полковник Шевченко приказал отходить к Новому Селу. Здесь бригада встала в оборону и отбивала контратаки противника (78-й шпд). 19 ноября операция была свернута.

Результаты наступления в целом были неутешительными. За несколько дней наступления 10-я гв. армия продвинулась на глубину от 1 до 3 км, 31-я армия продвижения не имела, 5-я армия имела незначительное продвижение, 33-я армия продвинулась на 3–4 км.

²³ Boehm E. Op. cit. S. 224.

²⁴ ЦАМО РФ. Ф. 2 гв. тк. Оп. 1. Д. 30. Л. 247.

Немецкий тяжелый танк «Тигр» 501-го батальона тяжелых танков в засаде. Обратите внимание на опутанные колючей проволокой борта и корму танка – экипажи явно опасались взбирающихся на него в ближнем бою советских пехотинцев

Начинающаяся зима серьезно ухудшила условия ведения боевых действий. Сплошные дожди, туманы, начинающиеся холода изматывали людей. Оршанское направление стало Пашендейлом советско-германского фронта, позиционным сражением в грязи. В истории 25-й танкогренадерской дивизии ярко описываются тяжелые условия, в которых велись эти бои за автостраду: «Гренадеры, промокшие и переутомленные, стояли в своих затопленных грязью окопах. Мокрая одежда ночью замерзала на теле. Пулеметы и винтовки были полностью загрязнены, большинство из них непригодно к использованию. Бои велись ручными гранатами и холодным оружием. Поддержка со стороны артиллерии и систем залпового огня была великолепной и часто имела решающее значение»²⁵. Фраза про гранаты и холодное оружие может показаться преувеличением, но она почти дословно повторяется в донесении ГА «Центр»: «Там, где из-за грязи отказывало стрелковое оружие, противника отбрасывали и уничтожали прикладами, лопатами и ручными гранатами»²⁶. Понятно, что реальную работу в таких условиях, при отказе стрелкового оружия, делала артиллерия. В этот период отмечается централизация использования артиллерии немцами, когда по одной цели вели огонь значительно удаленные друг от друга батареи.

Потери Западного фронта в этой операции составили убитыми 9167 человек, ранеными – 29589 человек, всего – 38756 человек. Безвозвратные потери бронетехники фронта с 14 по 19 ноября характеризовались следующими цифрами (см. таблицу).

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ БРОНЕТЕХНИКИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ЧЕТВЕРТОЙ ОРШАНСКОЙ ОПЕРАЦИИ 14–19 НОЯБРЯ 1944 Г²⁷.

---

²⁵ Boehm E. Op. cit. S. 225.

²⁶ NARAT312R225 frame 7777172.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2534. Д. 54. Л. 48.

КВ	Т-34	Т-70— 60	МкII	МкIII	МЗс	Т-IV	Т-III	СУ- 152	СУ- 122	СУ- 85— 76	Все- го
3	81	2	1	5	4	3	11	5	5	4	124

Хорошо видно, как резко возросли потери в сравнении с октябрьскими боями. Следует отметить, что заявки противника на уничтоженные танки были намного выше: только за 17 ноября немецкая 4-я армия претендовала на 94 уничтоженных советских танка.

После 10-дневного перерыва операция возобновилась в прежнем составе (10-я гв., 31, 5 и 33-я армии) и на прежнем направлении. Средняя численность дивизии задействованных в наступлении армий, однако, снизилась и составляла около 4 тыс. человек.

Как указывалось в ЖБД 4-й армии, в новом наступлении изменилась стилистика использования советской артиллерии: «Вражеская артиллерия в этот раз не открывала ураганный огонь, а плотно концентрировала мощный обстрел на отдельных пунктах».

Однако немцам было чем ответить. По данным, приведенным в ЖБД немецкой 4-й армии, за первый день советского наступления 30 ноября было выпущено 17 тыс. выстрелов легких полевых гаубиц и 7 тыс. выстрелов тяжелых полевых гаубиц. Это весьма высокий уровень расхода боеприпасов, превосходящий, например, пиковые периоды наступления 6-й армии Паулюса на Сталинград. Здесь необходимо отметить, что условия снабжения ГА «Центр» осенью 1943 г. были неизмеримо лучше, чем немецких войск в глубине СССР, на подступах к Волге. Вести боеприпасы было ближе, да и сеть железных дорог на пространстве между фатерляндом и Белоруссией была лучше.

Обескровленные шквалом огня артиллерии советские части становились менее устойчивыми к контратакам противника. Законы позиционного сражения были таковы, что выявившаяся атака на узком участке фронта крупными силами позволяла противнику изымать резервы с неатакованных участков. В одном из захваченных советскими войсками документов со ссылкой на приказ фюрера от 22 ноября 1944 г. имелось вполне определенное указание по этому поводу:

«При создании ударной группировки грубое обнажение одного небольшого участка не подвергает его опасности»²⁸.

Общие потери Западного фронта в операции 30 ноября – 2 декабря 1943 г. составили 5611 человек убитыми, 17 259 ранеными, а всего – 22 870 человек.

В вышеупомянутом докладе комиссии ГКО указывалось на повышенный расход боеприпасов Западным фронтом, но еще ярче ситуация выглядит в расчете на номенклатуру израсходованных боеприпасов. В октябре 1943 г. Западный фронт был абсолютным лидером по расходу боеприпасов тяжелой артиллерии. Так, выстрелов 152-мм гаубиц-пушек фронтом было израсходовано 49,5 тыс. штук, значительно больше, чем любым другим объединением Красной армии от Балтики до Азовского моря. Всего вся действующая армия израсходовала 225,8 тыс. штук выстрелов этого типа. По расходу 203-мм выстрелов Западный фронт также лидировал с большим отрывом. Их в октябре 1943 г. было израсходовано 6,9 тыс. штук, при общем расходе всеми фронтами 23,47 тыс. штук. Правда, следует отметить, что из 6,9 тыс. выстрелов большая часть – 6,3 тыс. – приходилась на бетонобойные снаряды, малоэффективные в конкретных условиях наступления Западного фронта. При этом по наличию соответствующего вооружения фронт В.Д. Соколовского также уверенно лидировал. По состоянию на октябрь 1943 г. на Западном фронте имелось 496 штук 152-мм пушек-гаубиц, больше, чем в составе

²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 1. Л. 329.

любого другого фронта (все фронты имели 2775 орудий этого типа). Соответственно 203-мм гаубиц имелось 95 штук, всего на одну единицу меньше, чем на 1-м Украинском фронте, – заметно больше, чем в составе любого другого фронта.

Командующий Западным фронтом в зимнюю кампанию 1943–1944 гг. Василий Данилович Соколовский

В ноябре 1943 г. Западный фронт расстрелял 67,5 тыс. выстрелов к 152-мм гаубицам-пушкам, вдвое больше, чем любой другой из советских фронтов действующей армии. Еще более яркая картина наблюдалась по расходу 203-мм выстрелов: в ноябре 1943 г. Западным

фронтом было выпущено 7,4 тыс. штук выстрелов этого типа при общем расходе всеми фронтами 18,3 тыс. штук. В свете этих данных не слишком убедительно звучат слова о недостаточном количестве боеприпасов для Западного фронта как причине неудач его наступлений.

Первые неудачи произвели тяжелое впечатление на командование фронта. Бывший начальник штаба Западного фронта генерал А. П. Покровский позднее рассказывал К. Симону:

«После первых неудач Соколовский занял странную позицию. Он уехал с КП фронта за 20–30 километров, там приказал оборудовать себе отдельный пункт, там у него была связь, были адъютанты. И все, больше ничего не было. Оттуда он по телефону связывался со штабом, с Москвой и с армиями, непосредственно разговаривал оттуда с командующими. Это было такое странное уединение, мешавшее, конечно, нормальной работе и штаба, и нормальной работе командующего. Почему он так сделал, трудно сказать».

Такое затворничество действительно выглядит странным, особенно на фоне характерного для многих выдающихся военачальников стремления наблюдать сражение с передового командного пункта. Вместе с тем, конечно, не следует упрощать ситуацию и представлять дело так, будто В. Д. Соколовский удалился от дел и забросил управление войсками. Из вышеизложенного видно, что планы операций корректировались, менялся наряд сил, советские войска пытались расшатывать оборону противника на разных направлениях.

Глава 2

Позиционный фронт: русский Верден

В декабре 1943 г. было решено провести наступление на новом (относительно) направлении, сместив направление главного удара на север, от Орши к Витебску. Для наступления вновь было задействовано управление 33-й армии В. Н. Бордова. Подготовка к операции началась 13 декабря, а начало наступления было назначено на 23 декабря 1943 г. Предполагалось прорвать оборону противника на фронте Ковалево, Островище и наступать в направлении м. Богушевское, Орша.

Ширина фронта прорыва 33-й армии составляла 9 км. Ширина полосы наступления каждой дивизии – 1,5–2 км. На главном направлении наступали 164, 222, 215 и 274-я стрелковые дивизии с шириной полосы наступления от 1,3 до 2 км. Каждая из этих дивизий строилась в два эшелона, а на уровне корпуса две дивизии были в первом эшелоне и одна – во втором. Построенная также в два эшелона 97-я стрелковая дивизия наступала на фронте 2 км с задачей обеспечения левого фланга главной группировки армии, а 184-я и 32-я стрелковые дивизии оборонялись на левом фланге армии на фронте в 16 км.

Численность стрелковых дивизий в подготовительный период операции подтянули до приемлемого уровня (см. таблицу).

ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА И ОТДЕЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ СТРЕЛКОВОГО ВООРУЖЕНИЯ СТРЕЛКОВЫХ ДИВИЗИЙ 33-Й АРМИИ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ОПЕРАЦИИ 23.12.43 Г.

	Личный состав	ППД и ППШ	РП	Станковых
215 сд	4948	471	114	32
274 сд	4897	897	161	36
32 сд	4070	455	57	13
97 сд	5039	496	111	31
184 сд	4966	1128	74	20
42 сд	5342	551	196	40
157 сд	5428	707	109	31
144 сд	5927	609	119	43
164 сд	6047	786	233	54
222 сд	5954	767	172	39
95 сд	5026	1348	248	66
173 сд	4745	1471	277	11
199 сд	4783	1040	87	27

Нельзя не заметить, что именно в этом наступлении Красной армией были массированно использованы трофейные танки. К началу наступления в 213-й танковой бригаде было 27 Pz.III и 7 Pz.IV.

Советское наступление неплохо началось, но вскоре было остановлено противником за счет ввода в бой резервов, в первую очередь танко-гренадерской дивизии «Фельдхернхалле».

По состоянию на 1 января 1944 г. «Фельдхернхалле» насчитывала 13 105 человек. Это была достаточно серьезная сила.

Также шквальный огонь немецкой артиллерии заставлял залегать пехоту и не позволял ей закрепить успех танков (которые от огня гаубичной артиллерии страдали слабо). Так, в отчете бронетанковых и механизированных войск 33-й армии за эту операцию указывалось:

«Захваченные танками рубежи очень часто пехотой не закреплялись, танки на ночь оставались без прикрытия пехоты (приходилось вводить свой МСПБ), и, несмотря на героическую борьбу, танки были вынуждены оставлять достигнутые рубежи: 8.1.44 г. танки бригады без пехоты 371 сд вышли на зап. окраины д.д. Мяклово, Запруды, Макарова и в течение ночи удерживали указанные пункты, но пехота так и не вышла к танкам; действуя с 199 ССД, танки дважды перерезали шоссе Витебск – Орша, но в обоих случаях пехота достигнутый успех не закрепляла»²⁹.

Собственно, советская тяжелая артиллерия проигрывала дуэль тяжелой артиллерии противника. Дьявол здесь, как обычно, в деталях. В «Отчете о боевой деятельности 119-й гаубичной артиллерийской бригады БМ РГК в составе 33-й армии (за время с 17.12 по 31.12.1943 г.)» указывалось:

«23.12.1943 года дивизионы бригады с 9.40 участвовали в артиллерийском наступлении согласно плана и вели плановый огонь по участкам подавления дер. Дуброво, выс. 188, 6, дер. Мятли, ст. Крынки, Купреево, а также выполняли неплановые заявки командиров стрелковых полков»³⁰.

---

²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8723. Д. 35. Л. 13.

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8721. Д. 75. Л. 129.

Одно из самых страшных фото войны. Раненые солдаты на экскурсии по выставке трофеев в Москве рядом с немецкой 210-мм гаубицей – тяжелым орудием полевой артиллерии вермахта. Эти орудия, несмотря на немногочисленность, играли важную роль в системе обороны немецких войск

Казалось бы, все хорошо. Однако проблемой было то, что бригада большой мощности с 203-мм орудиями вела огонь исключительно... бетонобойными снарядами. Всего за период с 23.12 по 30.12.1943 г. бригадой было израсходовано 2612 бетонобойных снарядов, других боеприпасов она не использовала. Разумеется, это сильно снижало эффективность огня, ведь он велся совсем не по ДОТам противника. Немцы из близких по ТТХ 210-мм гаубиц били практически исключительно осколочно-фугасными снарядами. Мощные и дальнобойные ору-

для большой мощности могли оказать неоценимую услугу в борьбе, например, с артиллерией противника. Но этого не произошло.

Ввод в прорыв 2-го гв. танкового корпуса был запланирован еще 23 декабря 1943 г. С утра 23 декабря части корпуса выступили в исходный район, но, ввиду неблагоприятного развития событий, в бой не вводились. Опыт войны научил не торопиться и не бросать в бой ценное механизированное соединение преждевременно, обрекая на значительные потери в допрорыве обороны противника. В итоге вплоть до 8 января корпус А. С. Бурдейного оставался в резерве, ожидая благоприятного момента для ввода в прорыв. На 8 января корпус имел в строю 161 Т-34, 11 Т-70, 1 КВ, 12 СУ-152, 6 СУ-122, 8 СУ-85, в текущем ремонте 1 Т-34, в среднем ремонте 6 Т-34 и 2 Т-70³¹. Эта масса танков была серьезной силой, способной повлиять на исход сражения под Витебском. На основании устного приказа В. Н. Бордова 2-й гв. танковый корпус выводился из исходного района с задачей переправиться через р. Лучеса, овладеть плацдармом на ее западном берегу и развивать наступление в западном направлении. Момент для использования сильного подвижного соединения действительно был благоприятным – наступающие войска 33-й армии вплотную подошли к рубежу р. Лучесы.

Однако козыри были не только у командования Западного фронта. Штаб 3-й танковой армии к тому моменту уже ждал благоприятного момента для ввода в бой недавно прибывшей и хорошо укомплектованной 299-й пехотной дивизии. Предполагалось нанести контрудар с целью радикального улучшения обстановки на фронте под Витебском. Операция получила кодовое наименование «Белый медведь» (Eisbar).

Таким образом, по состоянию на 8 января у обеих сторон имелись наступательные планы, преследующие решительные цели. Первой к их реализации приступила 33-я армия.

К 23.008 января 1944 г. 25-я гв. танковая бригада танкового корпуса А. С. Бурдейного овладела селением Макарово. С наступлением нового дня 9 января против скопления танков в Макарово были введены в действие 88-мм самоходные орудия «Хорниссе» 519-го тяжелого противотанкового дивизиона.

Буквально за два дня корпусу были нанесены тяжелые потери: 36 Т-34 сожжено, 26 Т-34, 1 Т-70 и 1 СУ-85 подбито, 11 Т-34, 1 СУ-152, 1 СУ-122, 1 СУ-85 застряло в болоте³².

---

³¹ ЦАМО РФ. Ф. 3400. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.

³² ЦАМО РФ. Ф. 3400. Оп. 1. Д. 37. Л. 18.

САУ «Хорниссе» («Шершень») из 519-го батальона истребителей танков на витебском направлении. Батальон прибыл под Витебск 10 декабря 1943 г., как раз к очередному советскому наступлению

К исходу 9 января в корпусе оставалось в строю 81 Т-34, 6 Т-70, 1 КВ, 10 СУ-152, 4 СУ-122 и 6 СУ-85.

Как указывалось в отчете корпуса по итогам боев, «труднопроходимая местность значительно ограничивала действия корпуса. Отсутствие обходов заставляет действовать в сфере арт. мин. обстрела противника, который действует, главным образом, фланговым огнем»³³.

Потери фронта в целом были относительно невелики (см. таблицу).

ПОТЕРИ БТ И МВ ЗАПАДНОГО ФРОНТА В ПЕРИОД С 23 ДЕКАБРЯ 1943 Г. ПО 25 ЯНВАРЯ 1944 Г.³⁴

Сроки	Т-34	Т-70— 60	Мк3	М3л	Т-3	СУ- 152	СУ- 122	СУ- 85— 76	Всего
23.12— 6.1.44	39	1	4	2	13	1	-	3	63
6.1— 25.1	108	2	-	-	-	3	-	-	113

³³ ЦАМО РФ. Ф. 3400. Оп. 1. Д. 37. Л. 18.

³⁴ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2534. Д. 54. Л. 48.

Командующий 3-й танковой армией генерал-полковник Георг-Ханс Рейнгардт

Слабое воздействие на артиллерию противника во многом обусловило неудачу советского наступления. В записи в ЖБД немецкой 3-й танковой армии особо отмечается именно этот промах: «Генерал Йордан обратил внимание командующего [Рейнгардта. – А.И.] на тот странный факт, что во время большого русского наступления русская артиллерия ни разу не вела огня с целью подавления нашей артиллерии»³⁵.

---

³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 292. Л. 181.

В целом по горячим следам событий командующий 3-й танковой армией генерал Рейнгардт в своем докладе в группу армий довольно ярко описывал происходившее:

«В первой битве за Витебск удалось выстоять не в последнюю очередь потому, что ТА получила в качестве подкрепления несколько дивизий. Для продолжения нынешнего сражения прибывает в качестве подкрепления 95-я тд. Как нам сообщалось, дальнейшей помощи

ввиду общей ситуации ожидать не следует. Наши потери последних дней велики. Войска очень устали, тем более что постоянные ночные атаки русских отнимают у наших солдат какую-либо возможность выспаться. Большие потери в офицерах снижают боеспособность частей, тем более что пехота в значительной степени состоит из недавно поступившего необстрелянного пополнения»³⁶.

Как мы видим, успех в обороне достался немцам нелегко и немалую роль сыграли вовремя поступившие резервы. 14 января 1944 г. штабом 3-й танковой армии предписывалось моторизованную дивизию «Фельдхернхалле» полностью снять с фронта и расположить в тыловом районе танковой армии для переформирования. Потери «Фельдхернхалле» в отражении советского наступления в декабре 1943-го – январе 1944-го для одного соединения были достаточно внушительные – 660 человек убитыми, 3186 ранеными и 292 пропавшими без вести³⁷. Количество бронетехники в строю также ощутимо просело до 17 штурмовых орудий, одного Pz.III и 14 Pz.IV при всего 8 машинах в краткосрочном ремонте³⁸.

Причем последние потери «Фельдхернхалле» были нанесены уже в процессе вывода с фронта. В ЖБД 3-й танковой армии имеется запись за 26 января:

«С 8.30 артиллерия противника вела огонь по поездам на участке железной дороги между Замосточье и Сосновка. При этом пострадал один воинский эшелон моторизованной дивизии «Фельдхернхалле»³⁹.

Здесь хотелось бы обратить внимание еще на один аспект боевых действий на богушевском направлении. В результате наступления в конце декабря 1943 г. и начале января 1944 г. советские войска приблизились к ключевой для немцев железной дороге Витебск – Орша на 1,5–2 км. Однако сама железная дорога не просматривалась за лесным массивом. Только иногда был виден дым из трубы паровозов проходящих немецких эшелонов. В основном же поезда двигались ночью. Естественно, такое положение заставляло думать о воздействии на движение поездов тем или иным способом. В своих воспоминаниях вышеупомянутый начальник оперативного отдела 33-й армии И. А. Толконюк описывает требовательность, с которой В. Н. Гордов настаивал на обстреле железной дороги артиллерией. Действительно, дорога была обозначена на карте и с помощью соответствующих расчетов можно было спланировать артиллерийский обстрел этой цели. Однако артиллеристы ссылались на трудность попадания в полотно с закрытых позиций. Для этого по нормативам требовались сотни снарядов. В итоге командарм урезал задачу до разрушения полотна дороги, в поезд попасть было крайне затруднительно.

И. А. Толконюк достаточно скептически оценивает это стремление В. Н. Бородова. Он пишет: «Как ни кипятился командующий, а поставленная им задача перед артиллерией так и осталась невыполненной. Отдельные короткие артналеты по железной дороге, а вернее, по движущимся поездам в ночное время, цели не достигали»⁴⁰.

Вышеприведенная цитата показывает, что цели все же достигали даже в формате поражения эшелонов. Методичные обстрелы железной дороги давали определенный эффект, отзы-

---

³⁶ NARA T313 R303 frame 8579644.

³⁷ BA/MA RH10—206 ss.15,24.

³⁸ BA/MA RH10-206 s.24.

³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 292. Л. 244.

⁴⁰ Толконюк И. А. Указ. соч. С. 361.

вавшийся на уровне штаба оборонявшей Витебск немецкой 3-й танковой армии. В ЖБД армии в записи за 20 января отмечается мнение, высказанное по этому поводу Рейнгардтом:

«Исход сражения в районе Витебска зависит от бесперебойной работы железной дороги Витебск – Орша. Поэтому командующий приказал немедленно подавить артиллерию противника, которая нарушает движение по этой ж.д. линии»⁴¹.

Именно так – «немедленно подавить». То есть обстрелы вызвали серьезное беспокойство. В дальнейшем в ЖБД упоминаются случаи с поражением полотна дороги с прерыванием движения на несколько часов (16 февраля). То есть приказ В. Н. Гордова бить по железной дороге, пусть ненаблюдаемой, был вполне обоснованным, и его стоило упрекать, если бы он его не отдавал. Это было необходимой мерой, частью общей стратегии борьбы.

Данный пример приведен для иллюстрации того факта, что к оценкам эффективности или, напротив, неэффективности воздействия на врага, даваемым в воспоминаниях и даже документах только одной стороны, нужно относиться с осторожностью. Только сопоставление мнения обеих сторон позволяет сделать обоснованный вывод о реальном эффекте тех или иных действий. Этот эпизод, разумеется, не оправдывает промахов генерала Гордова в других вопросах, но в случае с обстрелом железной дороги он, как говорится, все правильно сделал.

В целом эпизод с обстрелом железной дороги подводит нас к обсуждению причин неуспеха советского наступления. Данные о расходе боеприпасов немецкой 3-й танковой армией представлены в таблице. Для соотнесения с периодами самого сражения они разбиты на 10-дневные периоды, сообразно шагу отчетных периодов в донесения оберквартирмейстера армии.

РАСХОД БОЕПРИПАСОВ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИИ НЕМЕЦКОЙ 3-Й ТАНКОВОЙ АРМИИ В ЯНВАРЕ 1944 Г⁴².

	1—10.01.44	11—20.01.44	21—31.01.44	Всего
15-cm sFH18	48 890	141 428	31 358	221 676
15-cm sFH42	4555	4516	1865	10 936
10-cm K18	22 085	15 781	6036	43 902
21-cm Moerser18	3655+6 ³	4019	3166	10 840+6
15,5-cm 414 (f)	3192	4714	1900	9806
28-cm 601 (f)	601	229	381	1211

3655+6⁴³

Эти сухие цифры составляют на самом деле огромные величины с точки зрения даже всей войны в целом. Для сравнения: за весь сентябрь 1942 г. в период интенсивных боев в одном из решающих сражений всей войны 6-я армия Ф. Паулюса израсходовала 88 тыс. выстрелов к 150-мм полевым гаубицам всех типов (не учтены только 150-мм тяжелые пехотные орудия в полковом звене) и 10 тыс. выстрелов к 210-мм гаубице Moerser 18. Эти данные включают и штурм города, и отражение мощного советского наступления к северу от него. Если по 210-мм выстрелам величины еще сравнимы, то по 150-мм выстрелам разница более чем в 2,5 раза

⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 292. Л. 181.

⁴² Подсчитано автором по данным оберквартирмейстера 3 ТА (OQu PzAOK 3), NARA T313 R315 frames 8592736-8592835.

⁴³ В том числе 6 (шесть) бетонобойных снарядов.

в пользу армии Рейнгардта. Наступающих бойцов армии В. Н. Гордова встречал настоящий шквал 43-кг «чемоданов» калибром 150 мм.

80-мм мортира 601 (f) на позиции. Обращает на себя внимание расположение орудия совершенно открыто, даже не в лощине. Либо немецкие артиллеристы не боялись контрбатарейной борьбы и налетов авиации, либо перед нами постановочный снимок на учениях

Усугублялась ситуация условиями позиционного фронта, позволявшими немцам использовать тяжелые и громоздкие образцы, малопригодные для маневренной войны (характерной для южного сектора советско-германского фронта). Таковыми в 3-й танковой армии являлись трофейные французские 280-мм мортиры Шнейдера (Mortier de 280 mm Mie 14/16 Schneider), проходившие в германской армии как 28 cm Morser 601 (f). См. последний пункт вышеприведенной таблицы. Это 16-тонное орудие стреляло 205-кг снарядами на дальность 10950 м со специально подготовленной позиции. Для транспортировки мортира разбиралась на четыре части. В идеальных условиях сборка и подготовка мортиры к стрельбе занимали от 6 до 8 часов, а в тяжелом грунте могли затянуться до 18 часов. При быстрой смене начертания линии фронта был велик риск утраты орудия. Однако в позиционных боях с передвижением на считанные километры эта опасность признавалась терпимой. К тому же немцы не слишком жалели трофейные орудия. Причем опасность такая была вполне реальной: по документам оберквартирмейстера 3-й танковой армии числятся безвозвратно потерянными, по крайней мере, четыре 28-см мортиры. Две в декабре 1943 г. (в десятидневку 21–31 декабря) и две в январе 1944 г. (в десятидневку 11–20 января), т. е. как раз в периоды крупных советских наступлений.

На позиции трофейная 280-мм мортира Шнейдера, принятая на вооружение в вермахте под наименованием 28-см Morser 601(f). Полоса ГА «Центр», начало 1944 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.